# ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 43 Понедѣльникъ, 5 (18) декабря 1905 г. № 43

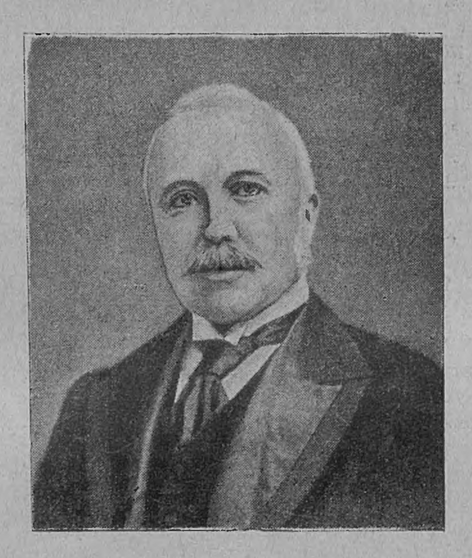

## Какъ Пруссія не дождалась обѣщанной ей конституціи.

Denn Königsworte das
sind Schätze wie tief im
Rhein der Nibelungenhort
H. Heine.

Абсолютная монархія имѣла въ большинствѣ европейскихъ странъ такія историческія заслуги, что только рѣзкое проявленіе ея полной неспособности справиться съ постояннымъ усложненіемъ народной жизни могло побудить широкія массы общества отвернуться отъ нея и искать новыхъ путей государственнаго строительства. Періодъ исканія этихъ новыхъ путей въ то же время неизбѣжно является періодомъ обостренія взаимныхъ отношеній между старой властью и новыми теченіями общественной жизни. Нигдѣ и никогда власть не уступала добровольно своего положенія, и только грозное проявленіе народнаго недовольства—одно могло сломить ея упрямое и неразумное сопротивленіе. Власть уступаетъ только тогда, когда ей физически невозможно сохранить прежнее положеніе. Но и тогда она сохраняетъ неизгладимыя воспоминанія о своемъ прошломъ величіи и всегда готова отсрочить исполненіе данныхъ ею обѣщаній, а при первой возможности и вовсе готова взять ихъ назадъ, если только общество не стоитъ постоянно на стражѣ своихъ интересовъ и не позаботится установить прочныя гарантіи для дѣйствительнаго исполненія данныхъ ему обѣщаній.

Къ числу наиболѣе поучительныхъ примѣровъ полной неспособности абсолютно-бюрократическаго режима проникнуться сознаніемъ своей собственной несостоятельности и пойти честно и открыто, безъ посторонняго воздѣйствія, на самоупраздненіе, необходимое въ интересахъ государства, принадлежитъ судьба конституціонной идеи въ Пруссіи въ началѣ XIX вѣка.

Ни одно изъ европейскихъ государствъ никогда, быть можетъ, не переживало такого позорнаго краха, какой претерпѣла гордая монархія Фридриха Великаго въ 1806-1807 годахъ. Дѣло не въ томъ, что битва при Іенѣ и Ауэрштедтѣ кончилась полнымъ и безпорядочнымъ бѣгствомъ прусской арміи, а въ тѣхъ послѣдствіяхъ, ко-



Новый англійскій первый министръ, лидеръ либеральной партіи
Сэръ Генри Кемпбэль-Баннерманъ.

торыя эта битва имѣла. Одна за другой сдаются части побѣжденной арміи, почти безъ выстрѣла сдаются крѣпости, снабженныя всѣми средствами для продолжительнаго сопротивленія, сдаются Магдебургъ, Берлинъ, Бреславль и т. д., и нигдѣ почти не замѣтно движенія въ обществѣ и въ народѣ. Ruhe ist die erste Bürgerpflicht, заявляетъ министръ Шуленбургъ въ обращеніи къ гражданамъ Берлина, и „граждане" дѣйствительно проявляютъ невозмутимое спокойствіе и съ тупымъ равнодушіемъ слѣдятъ за тѣмъ, какъ въ какіе-нибудь два мѣсяца почти все прусское государство, за исключеніемъ самаго крайняго сѣверо-восточнаго уголка, переходитъ въ руки „корсиканскаго бандита." „Отеческая" опека Фридриха II и его далеко не геніальныхъ преемниковъ отучила общество отъ всякой самодѣятельности, систематически препятствовала развитію какихъ-либо общественныхъ инстинктовъ и, въ результатѣ, чуть не погубила Пруссію.

Тильзитскій миръ, правда, спасъ государственное существованіе Пруссіи, но она вышла изъ войны опозоренная, разоренная и со значительно сокращенной территоріей. Если бы Пруссія желала снова занять свое прежнее положеніе, надо было-бы начать съ начала и на новыхъ началахъ.

Урокъ былъ настолько тяжелъ, что настоятельная необходимость порвать со старой системой и призвать населеніе къ самодѣятельности проникла въ сознаніе даже такого ограниченнаго человѣка, какимъ былъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Докладныя записки извѣстнаго реформатора Пруссіи, барона Штейна, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ не имѣли никакого успѣха, теперь сдѣлались основой прусской политики. Освобожденіе крѣпостныхъ, реформа административной организаціи на началахъ самоуправленія, реформа финансоваго и военнаго строя и въ довершеніе всего осуществленіе народнаго представительства—такова общая схема реформъ, отъ которой ожидали обновленія Пруссіи. „Первенство въ трехъ отношеніяхъ, въ области военнаго дѣла, въ области конституціи, въ области науки,—вотъ единственное, что можетъ насъ сохранить среди нашихъ могучихъ сосѣдей"—такими словами охарактеризовалъ одинъ изъ сподвижниковъ Штейна, генералъ Гнейзенау, сущность стремленій эпохи великихъ реформъ въ Пруссіи.

Назначенный первымъ министромъ, Штейнъ уже въ одной изъ первыхъ своихъ докладныхъ записокъ установилъ основной принципъ своей реформы--привлеченіе общественныхъ силъ къ государственному управленію и къ выработкѣ законодательныхъ предположеній. Отсутствіе постоянной связи съ обществомъ приводитъ государственную власть къ господству канцелярскаго формализма, къ страху передъ всякимъ нововведеніемъ, и въ то же время не даетъ народу проникнуться интересами государства и вызы-



Къ событіямъ въ Москвѣ.—Закрытіе перваго съѣзда делегатовъ всероссійскаго крестьянскаго союза.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

ваетъ полное равнодушіе, какъ къ интересамъ, такъ и къ достоинству государства. Практическій выходъ изъ этого затрудненія Штейнъ (помимо мѣстнаго самоуправленія) усматривалъ въ привлеченіи „свѣдущихъ людей“ къ соучастію въ дѣятельности правительства, какъ по болѣе частнымъ вопросамъ управленія, такъ и по основнымъ вопросамъ государственной жизни. Согласно съ этимъ онъ предполагалъ „дать націи соотвѣтствующіе ея состоянію и условіямъ жизни государственные чины и предоставить ихъ представителямъ цѣлесообразное участіе и вліяніе на управленіе“.

Организація этого представительства, какъ видно, должна была быть сословной, а компетенція ихъ чисто-совѣщательной,—тѣмъ не менѣе этотъ первый шагъ по пути „представительной системы“ представлялъ принципіальное отрицаніе старыхъ порядковъ и неминуемо долженъ былъ повлечь за собой дальнѣйшіе шаги.

Несмотря на свои военно-абсолютическіе навыки, король согласился съ программой Штейна, и когда послѣдній подъ давленіемъ Наполеона и придворной прусской знати былъ вынужденъ покинуть Пруссію, его программа, хотя и въ нѣсколько урѣзанномъ видѣ, осталась основой дѣятельности его преемниковъ и особенно Гарденберга.

Тяжелое внутреннее положеніе страны и грозная близость французскихъ войскъ не позволяли отказаться отъ системы, смыслъ которой, поскольку онъ заключался въ томъ, чтобы подготовить національную, сознательную войну съ Франціей, былъ понятенъ и королю. Ожидать отъ народа снова громадныхъ жертвъ можно было только въ томъ случаѣ, если народъ сознательно пожелаетъ ихъ принести.

Идея представительства имѣла многихъ адептовъ именно среди наиболѣе видныхъ дѣятелей эпохи: многіе считали, что, въ частности, вопросъ о войнѣ съ Франціей и объ отношеніяхъ къ ней, вообще, могъ быть разрѣшенъ только народными представителями. Но какъ организовать это народное представительство, это оставалось неяснымъ и для его сторонниковъ. А въ то же время придворная знать и широкіе круги дворянства не сочувствовали самой идеѣ и ссылались на неподготовленность народа и на опасность производить столь серьезные эксперименты въ такое тревожное время.

Несмотря на неопредѣленность конституціонныхъ идей и на сопротивленіе аристократическихъ круговъ, несмотря даже на слабый интересъ массы общества къ вопросу объ организаціи государственной власти,—именно тревожныя условія времени заставили правительство дать ясное обѣщаніе созыва народныхъ представителей. Характерно, что это обѣщаніе дается и подтверждается не разъ именно въ указахъ, касающихся совершенно разстроенныхъ государственныхъ финансовъ. Въ указѣ о финансахъ 27-го октября 1810 г. король впервые оффиціально извѣщаетъ народъ о своемъ намѣреніи „дать націи цѣлесообразно устроенное представительство, какъ въ провинціяхъ, такъ и для всего государства, совѣтомъ коего онъ охотно будетъ пользоваться“. Но и теперь нужда заставила провозгласить принципъ раньше, чѣмъ были разработаны хотя бы основныя начала соотвѣтственнаго закона. Несомнѣнно лишь одно: будущее собраніе и теперь должно было имѣть только совѣщательное значеніе и не должно было имѣть никакого отношенія къ государственному управленію. Извѣстно также, что Гарденбергъ предполагалъ положить въ его основаніе „тройной базисъ имущества, знанія и нравовъ“, но что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ и въ частности подъ довольно удивительнымъ понятіемъ „нравовъ“ (Sitten), сказать трудно.

Несмотря на все это, указъ 27-го октября былъ встрѣченъ обществомъ очень сочувственно,—но и только. Ни тогда, ни въ ближайшіе годы мы не замѣчали сколько-нибудь интенсивной научной или публицистической разработки идеи представительства примѣнительно къ особенностямъ и нуждамъ прусскаго государства. Очевидно, общество не шло дальше платоническаго сочувствія новой идеѣ и не успѣло проникнуться глубокимъ сознаніемъ безусловной необходимости ея осуществленія. Оно было готово принять подарокъ, исходившій отъ власти, но оно не смотрѣло на него, какъ на свое завоеваніе, которое оно было бы готово отстаивать всѣми силами.

При такихъ условіяхъ организація совѣщательнаго представительства, казалось, не могла встрѣтить никакихъ затрудненій. Какъ бы власть ни организовала это представительство, отъ него, казалось, трудно было ожидать серьезныхъ притязаній на рѣшающій голосъ. А между тѣмъ, когда 23-го февраля 1811 г. были созваны назначенные королемъ изъ именитыхъ гражданъ нотабли, они, несмотря на свой почти чисто-дворянскій составъ, немедленно заявили протестъ противъ такого лжепредставительства и потребовали устройства постояннаго представительства, составъ котораго долженъ былъ опредѣляться частью выборами отъ отдѣльныхъ сословій, частью происхожденіемъ.

Ограничиться назначенными нотаблями оказалось, такимъ образомъ, невозможнымъ, и еще 7-го сентября того же 1811 г. послѣдовалъ „дальнѣйшій указъ о государственныхъ финансахъ и о системѣ обложенія“. Обѣщавъ снова создать „цѣлесообразно-организованное представительство націи“, король здѣсь указывалъ на трудность предстоящей правительству въ этомъ отношеніи работы и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ о немедленномъ созывѣ „генеральной комиссіи для регулированія провинціальныхъ и коммунальныхъ военныхъ долговъ“. Помимо назначенныхъ королемъ членовъ, въ эту комиссію должны были войти и члены, избранные отдѣльными провинціями: каждая провинція должна была выбрать по четыре представителя (по 2 отъ крупнаго землевладѣнія, по 1 отъ большихъ городовъ, по 1 отъ мелкихъ городовъ и сельскихъ округовъ), и, кромѣ того, три главныхъ города: Берлинъ, Кенигсбергъ и Бреславль, также получили право посылать своихъ представителей. Эти лица должны были „конституировать пока (vorerst) національное представительство (Nationalrepräsentation) и получить согласно съ этимъ полномочія отъ своихъ избирателей“. Король, говорится въ указѣ, признаетъ необходимымъ окружить себя достойными людьми изъ всѣхъ сословій, облеченными довѣріемъ своихъ согражданъ и имѣющими право на его довѣріе, такъ какъ условія времени требуютъ взаимнаго довѣрія и совмѣстной патріотической работы.

Созданное такимъ образомъ „временное народное представительство“ (interimistische Nationalrepräsentation) проявило сразу гораздо бо́льшую энергію, чѣмъ предполагало правительство и чѣмъ можно было ожидать даже по примѣру нотаблей 1811 года. Случилось то, что неизбѣжно должно случиться со всякимъ совѣщательнымъ учрежденіемъ, избраннымъ въ критическое время, хотя бы даже на весьма несовершенныхъ началахъ: даже эти избранники сословій уже 4-го іюня 1812 г. заявили государственному канцлеру Гарденбергу, что, такъ какъ они „избраны народомъ“ „для установленія болѣе тѣсной связи, какъ между монархіей и націей, такъ и между отдѣльными провинціями“, то они прежде всего желаютъ установить совмѣстно съ властью свою собственную „конституцію“, т. е. формы избранія, организаціи и компетенціи народнаго представительства. Несмотря на то, что здѣсь говорилось только о „конституціи“ народнаго представительства, для всѣхъ, разумѣется, было ясно, что сущность дѣла заключается въ конституціи въ собственномъ смыслѣ.

Несмотря на всѣ предшествующія завѣренія правительства, при такихъ условіяхъ тренія были неизбѣжны, и только исключительно трудныя условія государственной жизни устранили рѣзкій конфликтъ между властью и „временнымъ представительствомъ“.

Тѣмъ не менѣе, притязанія послѣдняго постоянно возрастали.

„Народные представители“ требовали, чтобы ни одинъ законъ не былъ изданъ безъ ихъ участія и согласія, чтобы имъ была дана возможность ознакомиться съ положеніемъ финансовъ, и предоставлено право дѣлать авторитетныя указанія по соотвѣтственнымъ вопросамъ: они вмѣшивались въ организацію военнаго дѣла и стремились оказывать воздѣйствіе на внѣшнюю политику. Практическаго значенія всѣ эти заявленія, однако, не получили: общество да и власть были слишкомъ заняты вопросомъ о походѣ Наполеона на Россію, а затѣмъ и собственнымъ участіемъ въ борьбѣ, приведшей къ гибели первой имперіи, чтобы одинокій голосъ „временнаго представительства“ могъ пріобрѣсти болѣе существенное значеніе.

Во время военныхъ дѣйствій 1813 г. „временное представительство“ перестало даже совсѣмъ дѣйствовать, и только въ 1814 г. оно снова собралось, причемъ ряды его членовъ были пополнены новыми выборами. Но лишь только засѣданія возобновились, возобновился и старый споръ: Гарденбергу было сообщено настойчивое желаніе скорѣйшаго дарованія обѣщанной королемъ конституціи. А такъ какъ къ этому времени война за освобожденіе Германіи взбудоражила все общество и временно подняла общественное настроеніе, а вдобавокъ вскорѣ послѣ этого Наполеонъ бѣжалъ съ Эльбы, и предстояла новая гигантская война, то 22-го мая 1815 года послѣдовалъ и новый указъ, еще разъ торжественно подтверждавшій непреклонную волю короля дать народу конституцію.

Въ Пруссіи, говорилось въ этомъ актѣ, какъ свобода гражданъ, такъ и разумное и справедливое управленіе, находятъ уже теперь всевозможныя гарантіи въ особенностяхъ государей и ихъ единеніи съ народомъ. Тѣмъ не менѣе, король, въ знакъ своего довѣрія къ прусскому народу, предполагаетъ утвердить эти блага еще прочнѣе путемъ изданія писаннаго акта, опредѣляющаго констатуцію прусскаго государства.

Въ связи съ этимъ должно быть организовано „представительство народа“ (Repräsentation des Volkes), которое будетъ обсуждать всѣ законы, касающіеся личныхъ и имущественныхъ правъ гражданъ, а также вопросовъ обложенія.

Обѣщаніе, данное 22-го мая 1815 г., было затѣмъ подтверждено въ указахъ о возсоединеніи старыхъ и присоединеніи новыхъ провинцій, доставшихся Пруссіи на основаніи рѣшеній вѣнскаго конгресса. Въ то же время началась работа разнаго рода комиссій по вопросу о выработкѣ конституціи, работа, продолжавшаяся болѣе или менѣе энергично вплоть до 1822 г. и не давшая въ итогѣ ничего, кромѣ груды неписанной бумаги и крайне неудовлетворительнаго закона о провинціальныхъ собраніяхъ 1823 г.

Медлительность правительства тѣмъ временемъ начала вызывать недовольство въ обществѣ. Но это недовольство внѣшнимъ образомъ проявлялось сколько-нибудь замѣтно только въ новыхъ прирейнскихъ провинціяхъ, съ ихъ болѣе развитой городской жизнью и болѣе тѣсной связью съ Франціей и Англіей. Въ остальныхъ областяхъ Пруссіи лишь немногочисленные представители интеллигенціи, къ числу которыхъ примыкалъ и рядъ генераловъ, сознавали желательность конституціи, но не имѣли возможности поднять болѣе серьезное движеніе среди утомленнаго войной мѣщанскаго по типу и навыкамъ общества, среди ремесленниковъ и крестьянства.

При такихъ условіяхъ шансы на осуществленіе королевскаго обѣщанія всецѣло зависѣли отъ степени убѣжденности короля, министровъ и двора въ необходимости реформы. А по мѣрѣ того, какъ опасность новой европейской войны и новаго серьезнаго испытанія прочности государства становилась меньше, падало и сознаніе необходимости опереться на народное содѣйствіе и самодѣятельность общества. Когда нѣсколько сотъ обывателей изъ прирейнскихъ областей вручили канцлеру Гарденбергу въ 1818 г. адресъ съ напоминаніемъ о королевскомъ обѣщаніи, въ связи съ этимъ настроеніемъ правящихъ сферъ тотчасъ была найдена форма, при помощи которой можно было, какъ сохранить въ принципѣ данное обѣщаніе, такъ и отсрочить его исполненіе ad calendas graecas. Король изъявилъ свое неудовольствіе, что его подданные осмѣлились усомниться въ святости его обѣщанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ (указомъ отъ 21-го марта 1818 г.) заявилъ, что только онъ одинъ имѣетъ право установить время, когда дарованіе конституціи можетъ состояться. Послѣ этого прошло еще 22 года, и, въ концѣ концовъ, король такъ и умеръ, не даровавъ неоднократно обѣщанной конституціи.

Но еще задолго до смерти короля стало яснымъ, что онъ никогда не исполнитъ даннаго обѣщанія. Уже указъ 11 января 1819 г. былъ способенъ совершенно уничтожить всякія иллюзіи на этотъ счетъ. Свѣдѣнія о глухомъ недовольствѣ части интеллигенціи и о крайне сильныхъ студенческихъ движеніяхъ этого времени вызвали категорическое заявленіе со стороны короля, что онъ не находитъ болѣе возможнымъ расчитывать безусловно на прежнюю испытанную вѣрность и преданность народа, и чтоонъ считаетъ себя обязаннымъ принять самыя энергичныя мѣры для обузданія того безпокойнаго духа, который охватилъ часть общества во время послѣднихъ войнъ и который проявляется въ страстномъ стремленіи недовольныхъ элементовъ къ какимъ-то неяснымъ цѣлямъ. Согласно съ этимъ предписывается самый строгій надзоръ надъ печатью и въ особенности надъ университетами и другими учебными заведеніями. Реакція сразу принимаетъ самыя грубыя формы, и съ этого времени Пруссія могла быть увѣрена, что она такъ и не дождется обѣщанной ей конституціи. Послѣднее сомнѣніе исчезло, когда въ 1819 же году послѣдовалъ выходъ изъ министерства четырехъ наиболѣе видныхъ представителей либеральныхъ идей: Гумбольдта, Бейма, Бойена и Грольмана.

Въ 1820 г., правда, новый указъ о государственныхъ долгахъ еще разъ подтвердилъ прежнее обѣщаніе и установилъ теоретически важный принципъ невозможности заключенія новыхъ займовъ безъ согласія и гарантіи будущихъ народныхъ представителей, но такъ какъ Фридриху Вильгельму III впослѣдствіи не пришлось прибѣгнуть къ займу, то и этотъ указъ, по крайней мѣрѣ при немъ, имѣлъ лишь формальное, бумажное значеніе.

Вопросъ о прусской конституціи былъ сданъ въ архивъ почти на тридцать лѣтъ. Возникши на почвѣ неслыханной катастрофы государственной жизни, среди наиболѣе видныхъ представителей политически мыслящаго общества, этотъ вопросъ засталъ врасплохъ какъ власть, такъ и массу общества. Король поддался внушеніямъ своихъ министровъ, но онъ смотрѣлъ на предложенныя ими реформы не какъ на необходимое условіе нормальнаго государственнаго развитія, а какъ на средство для отраженія непосредственной опасности, угрожавшей его престолу и его государству въ эпоху Наполеонова владычества надъ Европой. Когда эта опасность исчезла, исчезло и основное соображеніе, говорившее въ его глазахъ въ пользу конституціи. Къ ней можно было прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ, но осуществлять ее безъ особенно настоятельной надобности—значило бы предпочесть неизвѣстное будущее извѣстному и достаточно обезпеченному настоящему.

Отношеніе общества къ вопросу о конституціи какъ будто подтверждало правильность этого разсужденія. Несмотря на строгое преслѣдованіе „демагоговъ“, та же іюльская революція не отразилась замѣтнымъ образомъ на Пруссіи, и только съ начала сороковыхъ годовъ сонное до этого времени прусское общество начинаетъ подымать голову и настойчиво требовать осуществленія данныхъ ему обѣщаній. Съ этого времени безусловная необходимость конституціи проникаетъ въ сознаніе широкихъ слоевъ общества и, въ концѣ концовъ, народъ въ 1848 г. беретъ силою не только то, что ему обѣщали дать и не дали, а гораздо больше.

Когда Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ вынужденъ присутствовать съ обнаженной головой при отпѣваніи убитыхъ на баррикадахъ берлинцевъ во дворѣ королевскаго дворца, онъ понесъ наказаніе и за свое собственное упрямство и за нарушенное его отцомъ слово. Прусское же общество пріобрѣло свою конституцію не тогда, когда ему ее милостиво обѣщали, а тогда, когда оно было готово принести и принесло самыя тяжелыя жертвы для пріобрѣтенія этой конституціи. Конституція прочна только въ томъ случаѣ, когда всѣ граждане постоянно готовы ее защищать всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

***Проф. Э. Гриммъ.***



## Въ русской Бастиліи.

Обреченные.—Тайны Шлиссельбурга.—Судьи—кто?—Историческая „реликвія“ и плодъ новаго зодчества.—Первыя впечатлѣнія. — Пытки совр менного образца.—Смерть дороже жизни.—Оскорбленіе дѣйствіемъ.—Душевный недугъ. —Люди мрутъ, какъ мухи.—Усиленный надзоръ и никакого призора.—Жертвы застѣнка.—Нѣсколько цифръ и сопоставленій. — Повѣсть о генералѣ въ синемъ мундирѣ.—Гуманность и репрессіи.—Призракъ жизни.—Ссылка, какъ милость.—Камни вопіютъ къ небу.

### I.

... „Существуетъ ходячее мнѣніе о возможности свыкнуться съ тюрьмой до нежеланія разстаться съ нею. Этого я не только не могу подтвердить, но и не понимаю: должно быть, что-нибудь подобное можетъ случиться или съ людьми очень неразвитыми, для которыхъ возможна жизнь, очень несложная въ душевномъ смыслѣ, или какъ ненормальное, болѣзненное явленіе.

Трудно забить душу и умъ въ живомъ и развитомъ человѣкѣ, и какъ бы ни поддерживала его мысль о пользѣ страданій за идею—его умъ и душа жаждутъ жизни и развитія. Сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства, вслѣдствіе ежеминутныхъ попытокъ заглушить его. Но и къ опасности привыкаешь, и она со временемъ теряетъ свое поддерживающее значеніе, и все, что тогда остается въ итогѣ,—все это мертво“.

Авторъ этихъ строкъ, Л. А. Волкенштейнъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ „свыкалась“ съ могилой, гдѣ заживо были погребены „обреченные“.

Воспоминанія Л. А. Волкенштейнъ о тринадцатилѣтнемъ мученичествѣ въ стѣнахъ шлиссельбургскаго застѣнка—только наброски, въ общихъ чертахъ дающіе понятіе о главныхъ событіяхъ въ жизни заживо погребенныхъ жертвъ державнаго произвола; это сырой матеріалъ для грядущей исторіи, только эскизы, писанные кровью для будущаго огромнаго полотна; его зачертитъ рука искуснаго художника, на вѣчную память потомству о стойкомъ страданіи жертвъ и безсмысленной лютости ихъ кровожадныхъ палачей.

Невозможно безъ ужаса, содроганія и гнѣва читать безхитростныя строки повѣствованія Л. А. Волкенштейнъ, писанныя ею во время подневольнаго путешествія изъ шлиссельбургской тюрьмы на Сахалинъ.

Тайны Шлиссельбурга, несмотря на всю бдительность цензуры, являвшейся „оплотомъ“ системы висѣлицъ, застѣнковъ, нагаекъ и нравственныхъ пытокъ, стали тайнами полишинеля.

Объ ужасахъ Шлиссельбургской тюрьмы, до сихъ поръ еще благополучно существующей, въ обществѣ ходили разнообразные разсказы, и, мѣшая сказку съ былью, создавались мрачныя легенды о проклятомъ застѣнкѣ, подобно вампиру медленно высасывающему кровь изъ своихъ жертвъ.

Въ таинственной мрачности палачи видѣли особую прелесть—средство для „успокоенія“ общества, узду для всѣхъ его неспокойныхъ элементовъ.

Настаетъ часъ исторіи и для палачей и ихъ кровавой инквизиціи, созданной въ шестидесяти верстахъ отъ столицы, на мрачномъ островѣ, освященномъ кровью мучениковъ, погибшихъ въ борьбѣ за свободу...

Слава ихъ горитъ въ вѣкахъ свободной Россіи, и вѣчнымъ позоромъ заклеймитъ исторія имена палачей...

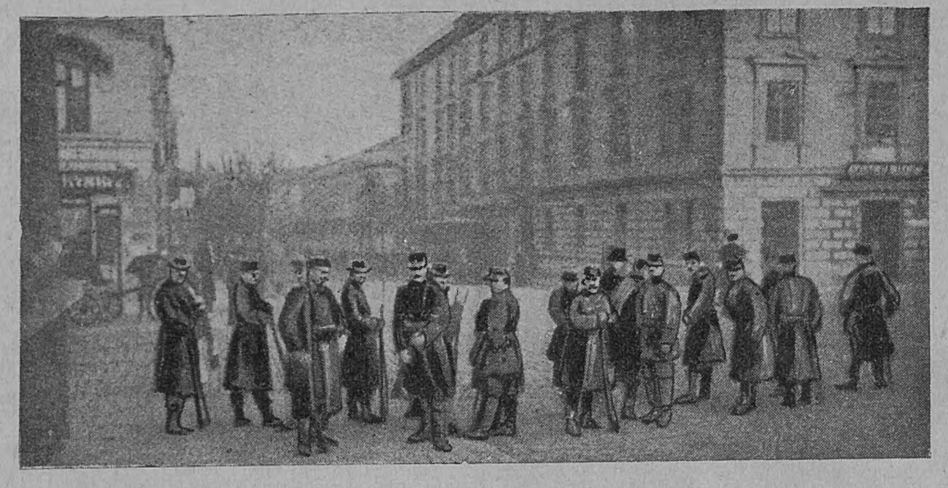
### II.

Старыя, мшистыя стѣны опоясали со всѣхъ сторонъ мрачный островъ. Онѣ стерегутъ такъ называемую старую тюрьму. Исторической „реликвіей“ уцѣлѣла лишь башня съ кельей и могилой, въ которой томился около тридцати лѣтъ заживо погребенный несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Вся остальная постройка уже позднѣйшаго времени. Передъ фасадомъ старой тюрьмы — большой дворъ. На этомъ дворѣ еще недавно происходили казни; теперь на землѣ, обильно политой кровью, устроены огороды, и посажены деревья. Окна камеръ выходятъ на противоположную сторону, гдѣ между мшистой стѣной и угрюмымъ зданіемъ находится маленькій дворикъ,—мѣсто для прогулокъ заключенныхъ.

Въ 1884 году русское зодчество обогатило Шлиссельбургскую крѣпость новой кирпичной постройкой въ два этажа, куда и перевели всѣхъ заключенныхъ. Это была новая тюрьма.

Старое зданіе, однако, не потеряло своего назначенія. Сырое, холодное и темное, какъ могила, оно играло роль Дантовскаго ада, на воротахъ котораго написано: „Оставь

надежду всякъ, сюда идущій“. Въ этотъ адъ запирали особо провинившихся и больныхъ (?!), здѣсь же „содержали, по словамъ Л. А. Волкенштейнъ, привезенныхъ для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Наконецъ, туда же сажали всѣхъ новоприбывшихъ на 3—4 мѣсяца, чтобы выдержать ихъ первое время въ возможно болѣе суровыхъ условіяхъ“.



Къ желѣзнодорожной забастовкѣ въ Богеміи.—Патруль, преграждающій движеніе на одной изъ улицъ въ Прагѣ.

Всѣ „новоприбывшіе“ въ 1884 году выдержали долгое заключеніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости и вступили ва „испытаніе въ болѣе суровыя условія“ уже измученными, слабыми, больными.

Ихъ было девятеро, и всѣ они были больны цынгой. Въ томъ же году къ „равелинцамъ“, переведеннымъ въ Шлиссельбургъ, присоединили еще десять душъ „наиболѣе безпокойныхъ“ съ Кары и, наконецъ, сюда же перевели другихъ заключенныхъ изъ Петропавловской крѣпости и одного изъ казанскаго дома умалишенныхъ.

Новый 1885-й годъ въ Шлиссельбургской крѣпости встрѣчало уже тридцать пять узниковъ. Со дня ареста однихъ изъ нихъ прошло уже болѣе десяти лѣтъ (Долгушкинъ, Мышкинъ), другихъ—менѣе года.

Чаша страданій была выпита, но дна еще не было видно.

Предварительное заключеніе, Петропавловка, кандалы, Шлиссельбургъ. Томительное путешествіе на пароходѣ, неизвѣстность будущаго.

„Воображенію рисовались самыя ужасныя картины: представлялась камера въ подземельѣ, безъ свѣта и воздуха, въ вѣчномъ бездѣйствіи, въ кандалахъ“.

„Мы, пишетъ авторъ воспоминаній, ошибались: время подземелій, какъ и физическихъ пытокъ, устарѣло. Взамѣнъ ихъ существовали болѣе утонченныя, менѣе бросающіяся въ глаза. Первое наше впечатлѣніе въ Шлиссельбургской крѣпости было даже пріятно: чистыя, сухія камеры—правда, съ матовыми стеклами, но все же довольно свѣтлыя, чистое, тонкое постельное бѣлье; раковины для умыванія и коридорные клозеты. Камера маленькая—шаговъ въ 7 въ длину и 5 въ ширину—общаго типа съ домомъ предварительнаго заключенія. Койки запирались на замки и, кромѣ скамейки, въ камерѣ не было ничего“.

Но это было только первое впечатлѣніе..

„При входѣ въ камеру смотритель заявилъ намъ, что „по обязанностямъ службы долженъ говорить лишеннымъ правъ „ты“, хотя и старался обращаться къ намъ въ третьемъ лицѣ“.

Размѣстили заключенныхъ во избѣжаніе перестукиванья черезъ камеру. Первая попытка войти въ сношеніе съ товарищами была подавлена репрессивными мѣрами. „Въ случаѣ стука обыкновенно врывалось въ камеру нѣсколько человѣкъ стражи, „ты“ такъ и сыпалось, раздавались ругательства. Если заключенный отвѣчалъ въ томъ же духѣ, то по знаку смотрителя на него набрасывались, валили на полъ, били подъ предлогомъ сопротивленія и, надѣвъ сумасшедшую рубаху, привязывали его на желѣзной койкѣ на нѣсколько часовъ, часто вкладывая деревяшку, чтобы не кричалъ. Сосѣди, услышавъ свалку, начинали протестовать, кричали: „Что вы съ нимъ дѣлаете?“ Тогда накидывались на нихъ и вязали. Во всѣхъ концахъ тюрьмы было хорошо слышно, что дѣлалось въ какой нибудь отдѣльной камерѣ. Во избѣжаніе такого переполоха провинившихся стали вскорѣ уводить въ старую тюрьму, сажали въ карцеръ и тамъ уже расправлялись съ ними.

Докторъ послѣ такихъ расправъ обыкновенно удостовѣрялъ лишь:

— Помяли бока во время сопротивленія.

III.

Въ концѣ концовъ желаніе окончить подобную жизнь стало у многихъ главнымъ желаніемъ. Смерть казалась единственнымъ исходомъ изъ этой нравственной пытки.

Минаковъ не могъ перенести дальнѣйшихъ издѣвательствъ надъ собой и первый объявилъ „голодовку“. Онъ рѣшилъ покончить съ собою путемъ голода. Его принялись кормить силой. Тогда онъ далъ пощечину доктору, требуя себѣ казни за оскорбленіе дѣйствіемъ должностного лица, согласно вывѣшенной инструкціи.



Къ событіямъ въ Польшѣ.—Манифестація польской соціалъ-демократической партіи у памятника Мицкевичу въ Варшавѣ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.



Норвежскій король Гааконъ VII присягаетъ на вѣрность конституціи въ торжественномъ засѣданіи стортинга, въ Христіаніи, 14-го (27-го) ноября с. г.

Съ фотографіи В. Петерсена, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Залпъ десятка ружей, и на большомъ дворѣ, чуть-ли не на глазахъ у всѣхъ осужденныхъ, затравленный въ конецъ нашелъ успокоеніе своимъ измученнымъ нервамъ и истерзанному мучителями сердцу...

Черезъ мѣсяцъ—новая жертва: повѣсился Клименко.

Прошло нѣсколько времени, и снова кровь обагрила дворъ застѣнка.

Мышкинъ, арестованный еще въ 1879 г. и отбывшій наказаніе на Карѣ, рѣшился послѣдовать за Минаковымъ.

На первый день Рождества (1885 г.) среди обычной тишины послышался вдругъ звонъ упавшей металлической тарелки, а затѣмъ топотъ ногъ, свалка и крикъ Мышкина: „Казните меня... не бейте же, казните!“ Всѣ замерли въ ужасѣ.

Только одинъ сосѣдъ по камерѣ зналъ о намѣреніи Мышкина оскорбить дѣйствіемъ врача и требовать казни для себя, надѣясь этимъ обратить вниманіе на все происходящее въ Шлиссельбургѣ.

Но и это не помогло... Ястребъ не выпускалъ изъ когтей замученную жертву. Хищнику было все мало. Онъ еще не упитался кровью...

Грачевскій тѣмъ же путемъ добивался казни. Ему отказали, заявивъ, что „сумасшедшихъ не судятъ“. Онъ отвѣтилъ, что все равно покончитъ съ собой.

Грачевскаго перевели въ старую тюрьму и усилили за нимъ надзоръ.



Президентъ сената Фальеръ,
вѣроятнѣйшій кандидатъ на постъ президента французской республики.

Судъ. Смертный приговоръ. Осужденному предложили написать прошеніе о помилованіи—онъ стойко стоялъ на своемъ и требовалъ казни.



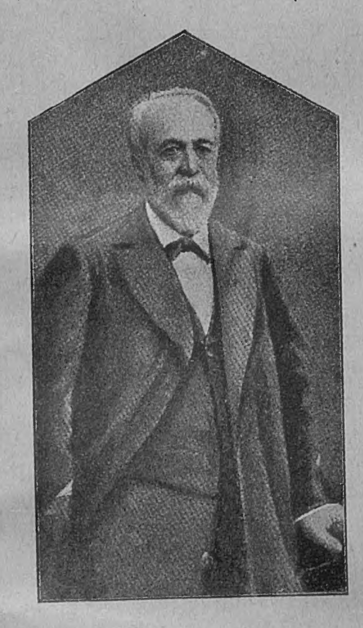
Леонъ Буржуа,
важнѣйшій кандидатъ послѣ Фальера.

Онъ былъ спокоенъ и настойчиво требовалъ смерти.

Въ концѣ концовъ онъ добился своего: облился керосиномъ и сжегъ самъ себя...



Эмиль Комбъ,
бывшій министръ-президентъ.



Анри Бриссонъ,
„вѣчный кандидатъ“, бывшій министръ-президентъ палаты.



Жоржъ Лейгъ.

А въ это же время остальные больные страдальцы были буквально брошены на произволъ судьбы.



Шомье,
министръ юстиціи въ кабинетѣ Рувье.



Поль Дешанель,
„красавецъ-Поль“, членъ академіи, наиболѣе желательный для парижанокъ президентъ.



Поль Думеръ,
бывшій губернаторъ Индо-Китая.

Кто будетъ президентомъ французской республики.

Въ шутовскомъ нарядѣ, сшитомъ изъ чернаго сукна наполовину съ сѣрымъ, съ желтыми тузами и клеймами на спинѣ больные корчились въ мученіяхъ на полу. Ни больницы, ни ухода, ни пищи, сколько-нибудь годной... Больныхъ уносили умирать въ старую, сырую тюрьму, чтобы они не волновали своими стонами заключенныхъ.

Какая чисто-шлиссельбургская попечительность!

А тутъ же бокъ-о-бокъ люди сходили съ ума, и этихъ душевно-больныхъ, съ помутившимся разумомъ, наказывали, какъ и здоровыхъ, за нарушеніе дисциплины, не вѣря ихъ недугу.

Шебалинъ впалъ въ меланхолію и цѣлые дни и ночи своими гулкими шагами потрясалъ могильную тишину застѣнка. Щедринъ два раза былъ приговоренъ къ казни за „оскорбленіе дѣйствіемъ" и послѣ Кары, гдѣ онъ таскалъ за собою прикованную тачку, обнаружилъ съ первыхъ же дней своего заключенія въ Шлиссельбургѣ признаки душевнаго разстройства. Онъ говорилъ, что жандармы задались цѣлью „изсушить его умственныя способности" и потому непрерывно къ нему заглядываютъ въ окошечко его двери.

Ему не вѣрили...

Онъ прятался отъ преслѣдователей въ уголъ—его считали симулянтомъ.

А недугъ разгорался.

Больной мученикъ вообразилъ, наконецъ, что „половина его головы уже пропала, но все же осталось еще полъ-головы, одинъ глазъ —и ихъ надо спасти, не давая смотрѣть на нихъ. Бѣда же въ томъ, что это не простые жандармы, а „особенные, знающіе всю современную науку".

Про весь этотъ бредъ онъ стучалъ сосѣдямъ.

Иногда „съ нимъ случались припадки буйства: онъ старался мѣшать жандармамъ заглядывать въ окошечко... Но такъ какъ они заглядывали еще чаще, то Щедринъ не могъ спать и неистовствовалъ день и ночь". „Несчастнаго помѣшаннаго тѣмъ не менѣе вязали, а когда онъ особенно долго не умолкалъ, тащили въ карцеръ. Его не признавали больнымъ до 1891 г., когда, наконецъ, онъ впалъ въ идіотизмъ и апатію".

И такъ продолжалось въ теченіе одиннадцати лѣтъ...

Похитоновъ палъ жертвой прогрессивнаго паралича мозга. Его въ концѣ концовъ отправили въ Николаевскій военный госпиталь.

Конашевичъ въ теченіе восьми лѣтъ былъ невмѣняемъ, а послѣдніе два года дикимъ свистомъ и завываніемъ, не умолкая, потрясалъ могилу своего заточенія...

Люди гибли, какъ мухи осенью.

За двѣнадцать лѣтъ изъ сорока восьми человѣкъ, приговоренныхъ къ заключенію въ тюрьмѣ, погибло двадцать четыре человѣка. Двое изъ нихъ, Минаковъ и Мышкинъ—казнены; трое покончили самоубійствомъ, четверо сошли съ ума и шестнадцать человѣкъ умерли естественной смертью, если только можно говорить о такой смерти при тѣхъ неестественныхъ условіяхъ, на которыя были заранѣе обречены заключенные.

## IV.

Гробъ, сколоченный для заживо погребаемыхъ въ Шлиссельбургѣ, охранялся ротой солдатъ и стражею въ сорокъ человѣкъ. Крѣпость со стороны рѣки и канала стерегли часовые.

Смотритель изъ выслужившихся солдатъ проявлялъ наклонности настоящаго Ирода. Онъ былъ бичомъ не только заключенныхъ, но и своихъ подчиненныхъ.

Послѣдніе, польстясь на двойное жалованье, сами вели жизнь ссыльныхъ.

Въ городъ ихъ пускали не болѣе раза въ недѣлю и то на очень короткое время. Пищу имъ приносили къ воротамъ крѣпости; къ нимъ же не допускали никого.

Содержаніе Шлиссельбурга обходилось въ десятки тысячъ, которыя покорно уплачивалъ народъ за содержаніе своихъ друзей-народовольцевъ въ этомъ проклятомъ застѣнкѣ...

Трагическая кончина Грачевскаго и боязнь широкой огласки, въ связи съ огромной смертностью и болѣзнями, нѣсколько измѣнили „политику" палачей.

Казалось, заговорила совѣсть и у давно потерявшихъ ее ставленниковъ высшей бюрократіи. Ястребы-стервятники на время были пресыщены кровью.

Были сдѣланы кое-какія облегченія и для заключенныхъ: были обѣщаны книги, отмѣнены грубые субботніе обыски, улучшена пища, увеличено время для прогулокъ.

И вдругъ среди этой, Богъ вѣсть откуда нахлынувшей бюрократической „гуманности", появляется генералъ Шебеко.

Шебеко врывался по очереди въ каждую комнату и кричалъ: — „Повѣсить бы ихъ всѣхъ, а они разсуждаютъ, бунтуютъ! Полковникъ — плети и плети! Слышите?" Быстро захлопывая дверь и перебѣгая отъ одного заключеннаго къ другому, онъ иногда набрасывался съ такими словами:—„Что за дерзкая физіономія! Кто это?"—„А, вы недавно въ карцерѣ были; вы отвратительно себя ведете. Вѣдь, за это и розги есть". И опять стремился дальше. Наконецъ, крикъ смолкъ, и у послѣднихъ камеръ онъ уже говорилъ тономъ оскорбленнаго человѣка. Тюрьма была поражена, но почти никто не успѣлъ сколько-нибудь внушительно отвѣтить Шебеко.

Разсерженный дурными отмѣтками въ штрафномъ журналѣ, сине-мундирный генералъ забывалъ обо всемъ, упоенный своей властью.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Шебеко изчезла и слабая надежда на облегченіе участи заключенныхъ. Отъ нихъ отняли снова книги, и пошла старая система запрещеній, униженій и гнета.

Заключенные въ свою очередь отвѣтили голодовкой.

Начался торгъ съ администраціей, а черезъ двѣ недѣли изъ департамента полиціи пришла бумага. Департаментъ объявлялъ, что „деньги, книги и вещи, находящіяся въ „спискахъ" заключенныхъ Шлиссельбургской крѣпости, отправляются ихъ роднымъ".

А смертность и болѣзни все росли и росли. Администрація, наконецъ, поняла, что одными мѣрами „воздѣйствія" сдѣлать что-либо трудно. Заключенные стояли дружно одинъ за всѣхъ, и всѣ за одного.

Мѣры жандармскихъ убѣжденій также не привели къ какимъ-либо результатамъ. „Сносить долѣе одиночества не было силъ,— пишетъ Л. А. Волкенштейнъ.—Заключенные выказывали стоическое презрѣніе къ жизни, и администрація, съ перемѣной смотрителя и коменданта, рѣшила сама пойти на уступки".

Заключенные дождались присылки книгъ; вмѣсто прежней макулатуры появились сочиненія по исторіи и серьезнымъ наукамъ; были разрѣшены свиданія въ камерахъ по-двое, и въ заборахъ, отдѣляющихъ на прогулкахъ узниковъ другъ отъ друга, прорѣзали щели. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ щели замѣнили окошечками, но такихъ размѣровъ, „чтобы ни въ какомъ случаѣ не пролѣзла голова". Наконецъ, (о верхъ гуманности!) позволили ухаживать за больными товарищами, принялись за устройство мастерскихъ, гдѣ могли работать по-двое, посмѣнно по три часа въ день, и предоставили заключеннымъ самимъ выбирать товарищей, какъ для занятій въ мастерскихъ и въ огородѣ, такъ и для прогулокъ.

Въ это же время черезъ департаментъ полиціи узникамъ были принесены первыя вѣсти отъ родныхъ. Эти вѣсти передавались въ пересказѣ администраціи и состояли изъ нѣсколькихъ словъ: „живы, здоровы, живемъ такъ-то и просимъ отвѣчать". Отвѣты опять-таки шли черезъ департаментъ и дозволялись не болѣе одного-двухъ разъ въ годъ.

Но самымъ большимъ облегченіемъ было разрѣшеніе иногда собираться вмѣстѣ и видѣть другъ друга хотя и черезъ рѣшетчатыя стѣнки заборовъ. Въ этихъ „клубахъ" читались рефераты, происходилъ обмѣнъ мыслей, узники гадали о судьбѣ близкаго будущаго. А съ вышки смотрѣло бдительное око дозорныхъ, стража слѣдила за каждымъ шагомъ, и около каждаго узника шествовали справа и слѣва безсмысленные тѣлохранители, вѣчные спутники „прогулокъ"—два жандарма.

Хмуро и сурово глядѣли вѣковыя стѣны, камни которыхъ были молчаливыми свидѣтелями новыхъ и новыхъ кровавыхъ расправъ въ молчаливомъ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ. Ихъ привозили сюда тайно, ночью, и тайно же свершался здѣсь приговоръ такого же тайнаго суда. Много было ихъ... и заключенные догадывались лишь о прибытіи новыхъ узниковъ, обреченныхъ на казнь или на медленное умиранье, по многимъ неуловимымъ признакамъ и по звуку цѣпей, долетавшему со двора.

## V.

Жизнь, скудная содержаніемъ и событіями; вчера, похожее на завтра, и завтра—на вчера. И вечеромъ, и утромъ однѣ и тѣ же муки, однѣ мысли, почти одни и тѣ же сны. Муки за жизнь, мысли и сны о волѣ. „Порой ощущаешь душевный и умственный голодъ—не то тоску, не то апатію, что доходило иногда до инстинктивнаго страха передъ мертвой пустотой не только въ собственной жизни, но и въ жизни товарищей по тюрьмѣ". „Все окружающее—и солнце, и небо, и люди, и звуки кажутся совсѣмъ иными, не связанными съ нами привычными представленіями, а потому являются чѣмъ-то страннымъ, чуждымъ, какъ все непонятное, враждебное. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ это настроеніе дошло до вопроса— зачѣмъ жить, у другихъ—до помѣшательства; полупомѣшательство же неминовало никого". И такъ въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ, десятковъ лѣтъ... А кругомъ стража, замки, стѣны и тишина могилы.

Начавшееся-было „смягченіе" нравовъ въ администраціи, рожденное по произволу, по произволу же новыхъ лицъ вновь замѣнялось репрессіей. Уничтожались „льготы" и угрожали вновь вернуться къ прежнему, сметая даже призракъ жизни изъ обихода тюрьмы. Кому, зачѣмъ и для чего понадобилось это, послѣ коронаціоннаго манифеста 1896 года?

Столкновенія съ администраціей становились чаще и чаще, отношенія обострялись, но „великодушное" начальство, всегда умѣвшее разжигать страсти, оказалось теперь снисходительнымъ въ примѣненіи каръ.

Отнимая отъ узниковъ все, что такъ или иначе давало имъ возможность забыться, оно относилось въ тоже самое время къ нимъ, какъ къ „душевно-больнымъ".

Однако, „душевно-больныхъ", заброшенныхъ въ шлиссельбургскую дыру, не считали такими больными въ Петербургѣ, когда примѣняли къ нимъ коронаціонный манифестъ.

Среди самихъ узниковъ менѣе всего вѣрили въ возможность облегченія ихъ участи.

„Всѣ мы думали, повѣствуетъ Л. А. Волкенштейнъ, что Шлиссельбургъ изъятъ изъ всѣхъ общихъ тюремныхъ правилъ; къ тому же въ послѣднiй годъ происходила новая борьба, вслѣдствiе новыхъ прижимокъ. Какъ вдругъ (это было черезъ семь мѣсяцевъ послѣ коронацiи), когда мы по обыкновенiю работали въ мастерскихъ, вызвали къ коменданту десять заключенныхъ. Этого еще никогда не было".

Комендантъ прочелъ узникамъ бумагу, въ которой значилось, что „въ виду добропорядочнаго поведенiя (имя рекъ), ему сокращается срокъ каторжныхъ работъ на одну треть." Отбывшимъ двѣ трети наказанiя шлиссельбургская могила разверзала ворота. Но путь изъ нея не велъ къ свободѣ. Каторга замѣнялась ссылкой вглубь Сибири, Якутскую область и на Сахалинъ.

Вмѣстѣ съ Л. А. Волкенштейнъ вышло изъ могилы только шесть человѣкъ (изъ 21-го). Остальные товарищи должны были протомиться еще девять лѣтъ, и до сихъ поръ томятся въ застѣнкѣ пять человѣкъ, томятся въ то самое время, когда полной амнистiи требуетъ вся страна, когда прежнiе государственные преступники, ниспровергавшiе старый режимъ, всенародно признаны борцами за свободу Россiи...

Довольно ужасовъ и крови, жертвъ и палачей! Камни шлиссельбургской могилы, и тѣ вопiютъ къ небу.

*Ник. Носковъ.*

## Диковинныя завѣщанiя.

Каждому человѣку свойственна нѣкоторая доля безумiя, которую онъ непремѣнно и проявляетъ, не въ томъ, такъ въ другомъ.

Исторiя человѣческахъ странностей и глупостей, еслибъ попробовать ее изложить, оказалась бы исторiей всего человѣчества, и никакого долголѣтiя не хватило бы на ея обработку. Впрочемъ, для непредубѣжденныхъ людей будетъ достаточно и нѣсколькихъ страничекъ этой исторiи.

Такъ, чудачества нѣкоторыхъ представителей человѣческаго рода не ограничиваясь ихъ земнымъ существованiемъ, продолжаютъ жить въ посмертныхъ завѣщанiяхъ этихъ чудаковъ.

Гражданинъ, всю жизнь свою посвятившiй кошкамъ и собакамъ и отказавшiй все имущество на поддержку благосостоянiя этихъ звѣрей, занимаетъ самое послѣднее мѣсто въ ряду тѣхъ завѣщателей, о которыхъ мы повѣствуемъ. Его поступокъ даже нельзя причислить къ чудачествамъ. Его заботливость о звѣряхъ вполнѣ понятна и, въ большинствѣ случаевъ, является лишь слѣдствiемъ такъ или иначе сложившагося человѣко-ненавистничества, противовѣсомъ которому и служила любовь къ животнымъ.

Гораздо страннѣе завѣщанiе одного дюркгеймскаго обывателя, отказавшаго свое состоянiе тому изъ своихъ родственниковъ, который ни разу не обмѣнялся съ своей женой браннымъ словомъ. Не нашлось ни одного удовлетворяющаго этому нехитрому условiю родственника.

Многочисленные случаи, когда завѣщатель оставляетъ свои деньги родному городу подъ условiемъ, чтобы ему былъ поставленъ памятникъ, представляетъ собой богатѣйшiй матерiалъ для психiатра. Характерно, что эти одержимые бѣсомъ знаменитости при жизни никогда и не думали, и не считали себя достойными увѣковѣченiя въ бронзѣ и камнѣ.

Одинъ старый сычъ, всю жизнь претерпѣвавшiй разнообразныя истязанiя отъ своей законной половины и, вслѣдствiе сего, воспылавшiй къ женщинамъ самой яркой ненавистью, завѣщалъ свое состоянiе тремъ племянникамъ подъ условiемъ, чтобы они не только остались навсегда холостяками, но и тщательно избѣгали всякаго общенiя съ женщинами даже на почвѣ добрыхъ дѣлъ. Неизвѣстно, были ли выполнены эти условiя.

Одинъ богатый купецъ оставилъ все родному городу, но потребовалъ, чтобы на его могилѣ была воздвигнута башня въ 65 саженей высоты, и съ вершины этой башни, два раза въ годъ, въ день его рожденiя и смерти, военный оркестръ долженъ сыграть три пьесы. Къ сожалѣнiю веселыхъ согражданъ покойнаго, завѣщанiе это осталось неисполненнымъ, такъ какъ всего-то наслѣдства едва набралось на 100 рублей.

Еще ядовитѣе распорядился одинъ альтенбургскiй уроженецъ, торжественно отказавъ своимъ роднымъ 100.000 рублей. Когда умиленные наслѣдники пришли за добычей, оказалось, что денегъ нѣтъ ни гроша, а есть записка, въ которой завѣщатель такъ изложилъ свою послѣднюю волю: „Хотя мои родственники и ничего не получили, но я заранѣе увѣренъ въ ихъ горячей признательности за мое благое намѣренiе".

Общеизвѣстно завѣщанiе нѣкоего весельчака, умершаго еще въ прошломъ столѣтiи. Онъ пожелалъ, чтобы всѣ участники похороннаго шествiя были въ свѣтлыхъ платьяхъ, чтобы за гробомъ шелъ оркестръ, наигрывая разудалыя пѣсни, чтобы спецiально оплаченный комикъ произнесъ на могилѣ веселую рѣчь, и чтобы никто не плакалъ. А для вѣрности, завѣщатель отказалъ по 50 рублей каждому лицу, которое согласится отдать ему послѣднiй долгъ на этихъ условiяхъ. Говорятъ, на похоронахъ было очень весело.

Желая сплотить воедино семью, одинъ завѣщатель потребовалъ, чтобы наслѣдники ежегодно собирались въ опредѣленное мѣсто, и чтобъ между ними царили миръ и согласiе.

При соблюденiи этого условiя, они ежегодно и должны были получать извѣстную долю наслѣдства. Но такъ какъ наслѣдниковъ оказалось 300 человѣкъ, то, послѣ перваго же года, завѣщанiе пришлось признать невыполнимымъ. Въ такомъ же родѣ составилъ завѣщанiе одинъ не имѣвшiй прямыхъ наслѣдниковъ чудакъ, отказавшiй свое имущество человѣку, который никогда не пилъ воды и женатъ на женщинѣ, не пролившей ни одной слезы.

Еще рѣзче выразилось отвращенiе къ водѣ у одного дядюшки, который оставилъ наслѣдство племяннику на слѣдующихъ условiяхъ: никогда не только не пить, но даже не прикасаться къ водѣ, хотя бы совсѣмъ пришлось не мыться. А такъ какъ наслѣдникъ-то былъ капитаномъ судна, то ему особенно непрiятно показалось сдѣлаться сухопутной крысой. Однако, дядюшкины миллiоны одержали побѣду. Уставъ пить, капитанъ мылся виномъ.

Нѣкiй виноторговецъ, прирожденный покровитель пьянства, назначилъ въ своемъ завѣщанiи крупную сумму на то, чтобы въ день его смерти каждый изъ его согражданъ выпивалъ не менѣе 10 бутылокъ вина. И на сей разъ „послѣдняя воля" покойнаго не нашла осуществленiя, такъ какъ въ первый же годъ пришлось-бы ухлопать на угощенiе все наслѣдство.

Въ заключенiе, нельзя не упомянуть объ одномъ знатокѣ человѣческой природы, который явно завѣщалъ свое состоянiе тѣмъ друзьямъ и знакомымъ, которые не пойдутъ провожать до могилы, а тайно—тѣмъ, кто, несмотря ни на что, не откажутся отъ проводовъ.



## Новый «гвоздь выставки».

Одаренный, очевидно, богатой фантазiей, англiйскiй изобрѣтатель сэръ Хирамъ Максимъ, соорудилъ гигантское „магическое" ядро, которое, очевидно, будетъ „гвоздемъ" предстоящей выставки. Это—пустое внутри ядро 50 фут. въ дiаметрѣ; оно разсчитано на 50 посѣтителей. „Магическое" въ ядрѣ состоитъ въ томъ, что оно, какъ будто, нарушаетъ законы тяжести, отчего получаются смѣшныя и фантастическiя сцены à la Жюль Вернъ. Предметы кажутся намъ вертикальными только вслѣдствiе закона тяготѣнiя; еслибъ удалось уравновѣсить силу тяготѣнiя центробѣжной силой, то абсолютная вертикальность сохранилась бы для каждаго предмета. Такъ какъ полъ ядра устроенъ въ видѣ глубокаго блюдца, то посѣтители тяготѣютъ къ его центру. А затѣмъ ядро, покоющееся на подставкѣ въ 20 футовъ высоты, приводится въ движенiе, оно вращается со скоростью до 30 километровъ въ секунду. Въ это время посѣтителямъ будетъ казаться, что они стоятъ неподвижно, такъ какъ они вращаются вмѣстѣ съ ядромъ и земнымъ шаромъ. Правильно орiентироваться невозможно и потому, что въ ядрѣ нѣтъ ни одного окна. Получающееся взаимодѣйствiе между силой тяжести и центробѣжной силой производитъ такое дѣйствiе, что посѣтители ядра будутъ казаться не стоящими на полу, а блуждающими по стѣнкамъ. Такъ будетъ казаться каждому относительно другихъ, а самъ онъ будетъ считать свое положенiе совершенно нормальнымъ. Максимъ думаетъ усилить комическое впечатлѣнiе отъ людей, ползающихъ по стѣнкамъ, словно мухи, тѣмъ, что верхнюю часть ядра дѣлаетъ зеркальной: такимъ образомъ все будетъ представляться въ двойномъ видѣ. Другая часть ядра устроена въ видѣ катка, по которому посѣтители, надѣвъ коньки на колесинкахъ, могутъ, не двигаясь, докатиться до лежащей надъ ихъ головой точки ядра. Открытiе магическаго ядра должно послѣдовать въ 1907 году.

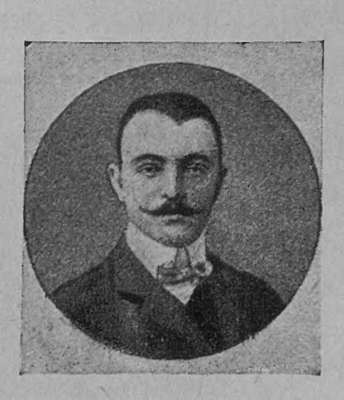
## Кто будетъ президентомъ французской республики?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Версали провозгласятъ имя преемника президента Лубэ. Намѣчено восемь кандидатовъ, и трудно сказать сколько-нибудь достовѣрно, кому придется взять на себя тяготу управленiя дѣлами республики. Особенныя надежды возбуждаетъ въ этомъ направленiи г. Арманъ Фалльеръ, такъ какъ и Лубэ, подобно ему, былъ президентомъ сената. Далѣе слѣдуетъ Поль Думѣръ, бывшiй вице-король Индо-Китая. Недавно объ его кандидатурѣ говорили только его политическiе противники. Теперь открыто заговорили о возможности его избранiя и его друзья. Онъ, по увѣренiю многихъ, сумѣлъ бы придать новый блескъ отвѣтственной роли главы государства своей энергичной и вмѣстѣ мягкой манерой дѣйствовать, — былъ бы новымъ Рузвельтомъ Елисейскаго дворца. А Францiя очень бы не прочь отъ такого президента по нынѣшнимъ временамъ: — побѣдитъ онъ, придется отказаться отъ Леона Буржуа, который болѣе, чѣмъ популяренъ, и на первомъ голосованiи, навѣрное, получитъ большинство.

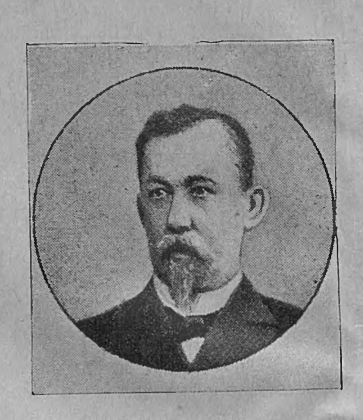
Съ Эмилемъ Комбомъ въ роли президента боятся какого-нибудь конфликта, причемъ невольно подумываютъ о мнѣнiи „добрыхъ сосѣдей". Этимъ послѣднимъ врядъ-ли придется по вкусу и избранiе г. Шомье, если принять во вниманiе его внѣшнiя данныя. Маленькiй человѣчекъ съ подтянутымъ животомъ и

гладко выбритымъ подбородкомъ будетъ изображать смѣшную фигуру во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Онъ очень не любитъ, когда его имя называютъ наряду съ прочими кандидатами; онъ все вспоминаетъ о Лубэ, который словно вынырнулъ въ послѣдній моментъ выборовъ; это, по мнѣнію Шомье, самый вѣрный путь къ цѣли.

Еще кандидатъ, Жоржъ Лейгъ, бывшій при Вальдекѣ Руссо министромъ, ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ говорили объ его кандидатурѣ, но самъ далекъ отъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ. „Красавецъ Поль", т. е. Дешанель, о которомъ прежде упоминали, какъ о влiятельнѣйшемъ кандидатѣ, черезчуръ быстро „истаскается" на президентскомъ креслѣ. Остается, наконецъ, старикъ Бриссонъ, который „изъ принципа" опять ставитъ свою кандидатуру и опять провалится. Ужъ сколько лѣтъ онъ считается достойнѣйшимъ изъ достойныхъ и поэтому, если вѣрить примѣтамъ, никогда, должно быть, не дождется избранія.



Членъ финской депутаціи, требовавшей отставки сената,
Терманъ Тумерусъ.



Вождь финской конституціонной партіи
проф. баронъ Р. А. Вреде.



Сенаторъ Вуоренгеймо,
бывшій президентъ департамента путей сообщенія.
Бывшій финскій сенаторъ.



Н. Н. Герардъ,
новый финляндскій генералъ-губернаторъ.



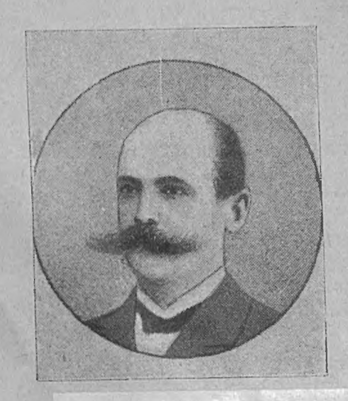
Баронъ А. фонъ-Бонсдорфъ,
по настоянію котораго прежній финскій сенатъ объявилъ о своемъ выходѣ въ отставку.



Л. Мехелинъ,
бывшій финскій сенаторъ, принявшій дѣятельное участіе въ составленіи новаго сената.



Сенаторъ Сольманъ,
бывшій президентъ департамента юстиціи.



Капитанъ финской „красной гвардіи"
Іоганнъ Кокъ.



Солдатъ финской національной „красной гвардіи".



Георгъ Шауманъ.

Къ возстановленію финляндской конституціи.

Редакторы: П. Н. Милюковъ и І. В. Гессенъ. Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Галерная, № 40. Издатель С. М. Проппер.